

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-109-126>

УДК 39(470.11)+911.53+ 81'373.21+ 398.1

ББК 63.521(=411.2)+ 82.3(2)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Т. В. Жигальцова
г. Архангельск, Россия

© 2023 г. В. Н. Матонин
г. Архангельск, Россия

© 2023 г. Е. Н. Егорова
г. Архангельск, Россия

© 2023 г. Н. Н. Бедина
г. Архангельск, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ ПОМОРСКОГО СЕЛА КУШЕРЕКА

Аннотация: Статья посвящена комплексному историко-этнографическому исследованию природного и архитектурного ландшафта села Кушерека Онежского уезда Архангельской губернии. Еще в начале XX в. в церковных кругах это село называли «гнездом раскола». Авторы обращаются к системе ландшафтных, архитектурных и нарративных текстов, которые сохраняют и транслируют коллективную (региональную) историческую память. Полевые исследования, проведенные в 1996–1999 и 2019–2020 гг. позволили выявить трансформацию исторической памяти: от расцвета села до его современного состояния. Через призму универсальных фольклорных мотивов зафиксированы и интерпретированы узловые события исторического опыта местных жителей. Законы конструирования и трансляции коллективной памяти реализуются в текстах (слове), в архитектуре, в бытовых традициях. Архитектурная история поселения и его конфигурация, реконструированные на основе архивных материалов, также рассматриваются как источник исторической памяти. Речевая специфика в описаниях церковью свидетельствует о тех же ценностно-смысловых координатах культуры, что и устная история. Данное исследование имеет методологическое значение для выявления «идеи места» локальных территорий, а также практическое значение для воссоздания социокультурного и архитектурного ландшафта заброшенного поморского поселения.

Ключевые слова: коллективная память, деревянное зодчество, Онежское Поморье, Кушерека, старообрядчество.

Информация об авторах:

Татьяна Валентиновна Жигальцова — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный

университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: t.zhigaltsova@narfu.ru

Василий Николаевич Матонин — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0830-5533>

E-mail: matoninv@yandex.ru

Екатерина Николаевна Егорова — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8115-9344>

E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Наталья Николаевна Бедина — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1613-4164>

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.05.2023

Дата одобрения рецензентами: 31.10.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Для цитирования: Жигальцова Т. В., Матонин В. Н., Егорова Е. Н., Бедина Н. Н.

Конструирование и трансляция коллективной памяти на примере поморского села Кушерека // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 109–126.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-109-126>

Введение.

Наиболее значительный этнографический материал о жизни и культуре онежских поморов собран, систематизирован и введен в научный оборот Т. А. Бернштам [1]. Настоящая публикация продолжает презентацию исследования, частичные результаты которого авторский коллектив представил в статье 2022 г. «Топонимическая структура поморских поселений» [4].

Исходя из общего определения культуры как памяти предыдущего опыта человечества (Ю. М. Лотман) [8, с. 487 и др.], в настоящем исследовании мы обращаемся к системе текстов, которые сохраняют и транслируют коллективную (в данном случае — региональную) историческую память. Не затрагивая вопрос о демаркации понятий «культурная память» и «историческая память», мы основываемся на том, что существование социума как единого организма невозможно без единой коллективной памяти [8, с. 398]. Современное сознание мыслит историю как сумму реальных событий, отраженных в разнообразном множестве текстов, каждый из которых представляет действительность в определенном аспекте и обладает своим собственным объемом «памяти». Превращение жизни в текст является внесением событий в коллективную память (жизнь — текст — память) [9, с. 150–151]. Отбор и систематизация текстов, разнородных с точки зрения прагматики, жанровой формы и объема, способствует реконструкции прошлого и сохранению единства культурного сознания.

Историческая справка.

Поморское село Кушерека сейчас заброшено и превращается на лето в дачный поселок, где проживают несколько семей (иллюстрация 1). Однако во время расцвета

Кушереки, который пришелся на середину XIX – начало XX в., население составляло более тысячи человек.

Иллюстрация 1 — Сохранившийся архитектурный ландшафт заброшенного села Кушерека.
Фото О. А. Зининой, 2020

Figure 1 — Preserved Architectural Landscape of the Abandoned Village of Kushereka.
Photo by O. A. Zinina

Кушерека находится на Поморском берегу Онежского залива Белого моря возле одноименной реки неподалеку от устья. Земля здесь «тощая», малопригодная для земледелия. Следует отметить, что русские поселенцы выбирали для жительства места с переходной семантикой, сочетающие в себе реку и море, возможность земледелия и выпаса скота [11, с. 103–106].

Пограничный ландшафт привлекателен для носителей маргинального сознания. В частности — для кушерецких староверов, которые крестились в приходской церкви, а перекрещивались «в раскол» в Выгорецком монашеском общежитии. Жители Кушереки полагали, что их материальное благополучие может быть обеспечено лишь принадлежностью к «старой вере». Кушерецкие крестьяне значительно отличались от жителей Онежского берега Онежского залива. Различия включают в себя духовную жизнь (в отличие от Поморского берега на Онежском берегу староверов не зафиксировано), разницу в диалектах и особенностями устройства хозяйства. Хозяйственная и в некоторой степени духовная жизнь детерминированы своеобразием ландшафтных условий: низким, пологим, песчаным берегом моря. Широкая литораль при значительный приливах и отливах позволяла устанавливать сезонные ловушки для рыбы (рюжи). Отношение к морю у крестьян Онежского берега Онежского залива было таким же, как

отношение к полю. На Мурман (через море) они не ходили. Поэтому жители Поморского берега не считали их поморами [15, с. 245]. Духовная жизнь крестьян Онежского берега складывалась вокруг приходских храмов и отличалась ярко выраженным соборным характером.

Между тем для крестьян Поморского берега и Кушереки, в частности, свойственны высокая степень личной религиозности, широко распространенная практика религиозных обетов (установка деревянных крестов в труднодоступных местах, трудничество в Соловецком монастыре, паломничество (в том числе в Палестину), келейничество (уход от мира в пожилом возрасте). Мурманские рыбные промыслы и далекие морские походы на Матку (к Новой Земле), на Грумант (на Шпицберген) свидетельствуют о бессознательном стремлении поморов к расширению границ.

Начиная с Троицы, Кушерека на полгода превращалась в «бабье царство». Мужское население, включая подростков («зуйков»), уходило на промысел. На старших в доме «жонков» («большух») возлагалась тяжесть ответственности за детей и хозяйство. Кушерецкие «жонки» отличались осознанным чувством собственного достоинства. Они наравне с мужчинами обсуждали и решали хозяйственные проблемы. В пожилом возрасте становились, как правило, ревнителями старой веры.

Для борьбы с расколом архиепископ Афанасий (сподвижник Петра I) рукоположил для служения в Кушереке отца Епимаха (Кононова). Династия Коновых служила в Кушереке 150 лет — до разорения в 1856 г. правительственными войсками старообрядческой Выгореции. Кононовы записали и сохранили одну из самых древних мореходных книг — рукописную лоцию XVIII в. «Рька Кушерецка», где подробно описаны морские ходы в Норвегию и в Архангельск [16, 10]. Кононовы умели находить общий язык со староверами и даже покрывали их нежелание исповедовать и причащаться, отмечая в Клировых ведомостях причины многолетней невоцерковленной жизни как «упущение», а не «уклонение в раскол» [11].

Кушерека славилась мастерами-плотниками, которые строили двух- и трехмачтовые парусные суда [17, с. 64]. Мореходное и торговое дело позволило сельчанам достичь хорошего уровня материальной обеспеченности, особенно нескольким купцам-промышленникам, которые специализировались на фрахте по перевозке грузов в Петербург, Архангельск и Мурман [17, с. 52–64]. Активно развивались торговые и промысловые связи с Норвегией, где закупали рыбу, обменивали лес и сельскохозяйственные продукты на орудия труда и промышленные товары. Владельцы небольших судов (ел, карбасов) также занимались рыболовством, ходили на Мурман и в Норвегию, с «колонистами» Мурмана (ПМА-1: Завьялов) торговали дровами и другими материалами, необходимыми постоянным жителям Мурманского берега.

В конце XIX – начале XX в. в среде кушерецкого крестьянства на фоне возрастания материального благосостояния усиливалось имущественное расслоение, которое впоследствии стало основанием для социальных конфликтов. По рассказам местных жителей (ПМА-2: Ефимов), многие из селян, спасаясь от коллективизации, ушли по освоенному морскому пути — на Мурман (в г. Мурманск). Основные этапы деградации религиозно-культурного уклада в XX в. — это Германская война (1914–1918), Гражданская война и интервенция (1918–1920), культурная революция 1920-х гг., коллективизация с раскулачиванием и закрытие храма (1930–1931), Великая Отечественная война и послевоенный восстановительный период, создание совхоза, «Перестройка». Показательно, что Кушерецкая церковь была разобрана в начале 1970-х гг. и вывезена как памятник деревянного зодчества в Архангельский государственный музей-запо-

ведник деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». По мнению местных жителей, разрушение села отмечено этим событием, несмотря на то что храм к тому времени был давно закрыт и пребывал в запустении. В настоящее время коллективная память о былой славе Кушереки хранится в историко-архивных документах и в устной традиции.

Предваряя анализ конкретных текстовых материалов, можем сказать, что экспедиционные записи отражают связь жителей Севера с морем, с одной стороны, дарующим им жизнь и свободу, с другой — с местом экзистенциальным, предельным (между жизнью и смертью), «проверяющим» духовные качества человека. Неизменным в содержании текстов остаются представления о свободолюбии поморов, внутренней силе и одновременно смирении, готовности к коллективному труду и индивидуальный характер религиозности. В этом контексте результаты нашего исследования согласуются с выводами таких известных ученых, обращающихся к культуре Русского Севера, как Д. С. Лихачева, Т. А. Бернштам, К. П. Гемп, Н. М. Терехина. Экспедиционная полевая работа подтверждает и тезис О. Е. Морозовой, исследователя поморской речевой культуры, о том, что одна из главных характеристик речи поморов — «приветливость и доброжелательность по отношению к собеседнику, что выражается в различных благопожеланиях, при этом преобладают формулы христианского происхождения. Мягкость поморской речи проявляется не только на лексическом уровне, но и в протяжно-певучих интонациях» [12, с. 98]. Между тем Н. Е. Онучков отмечает способность поморок легко переходить от ласковой лексики и приветливой интонации к грубой площадной брани. Он объясняет эту особенность постоянным психическим и физическим напряжением местных женщин в отсутствии мужчин. Самые «неприличные сказки» были записаны известным собирателем фольклора на Поморском берегу Белого моря [18, с. 51].

Память в устной традиции.

Материалом для данного раздела послужили экспедиционные записи 1990–2020 гг. (ПМА-1; ПМА-2), куда вошли исторические предания о поселении, мемораты, топонимы, фамилии и прозвания жителей села Кушереки. Частично материалы экспедиций отражены работах авторов [17, 11].

По лингвистическим данным, название поселения происходит от финно-угорского слова ‘кушк’, ‘кушай’ — порог, порожистая река (ОИММ — Онежский историко-мемориальный музей. Оп. 3 Д. 315. Харлин Л. А. Поморье — промыслы (Лямца, Малошуйка, Унежма, Тамица). 1991–1992 гг.). Топонимическая легенда возводит название села к слову ‘куш’ — жребий, богатство: «богатая река, значит, — Кушерека» (А. Ф. Кучина, 1918 г.р.). Река действительно была богата рыбой, сюда заходили на нерест сиг, навага, корюха, камбала, а также семга и кумжа. Поскольку устье реки достаточно глубоко, для стоянки мелких судов оно было удобно и востребовано у рыбопромышленников. Как говорили местные жители, мачты качались на волнах, словно лес под ветром. Коллективная память жителей Кушереки объединяет концепты «изобилие, благополучие», «труд, совместная работа» и «природная красота, гармония отношений природы и человека».

Село состояло из деревень Кузьминская и Логинская [ГААО — Государственный архив Архангельской области. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898. Л. 16] и представляло собой приречный гнездовой тип поселения. Топонимы, наименования деревень, этимологически связаны с антропонимами — фамилиями первопоселенцев: «В Кушереке две основные фамилии — Кузь-

мины и Калинины. К ним всегда очень уважительно относились как к первопоселенцам, и они на двух берегах друг против друга поселились. Калинины на высокой горе, а Кузьмины на низкой части» (ПМА-2: Кузнецов). Название Ло(н)гинская могло произойти от имени Лонгин, одного из почитаемых на Поморском берегу праведников — Иоанна и Лонгина Яренгских. Другой возможный источник названия — прозвание кого-то из первопоселенцев.

В данной местности существовал обычай давать прозвища (уличные фамилии) [11, с. 220], чтобы отличать одну семью от другой: *«Наших Кузнецовых в Кушереке много было. Все вроде Кузнецовы, а назывались немного по-разному... Часть там были Пронинские, а часть еще Пронинские-неговорки. Неразговорчивые такие. У меня дед из этих был — слова у него не вытацишь. Его брат тоже придет, чаю попьют, за весь вечер фразами перекинутся. Бабушка все поддевала: «Вот два брата сошлись, дак наговориться не могут» (смех). Дет у меня высокий был под два метра, могущий такой. Становище у него в Норвегии было»* (ПМА-2: Кузнецов). Фамилия Пронинские образовалась от имени Прокопий (Проня). Вероятно, в основе семейных прозвищ лежало имя прадедов: *«Вот у меня, например, это самое, Андрей Федотович был дедушка. Нас, не нас точнее, а мать звали “Федотовичи”. Ну, по отчествам больше распространено было»* (ПМА-2: Ефимов). Прозвище Пронинские-неговорки объективируется через контекст, содержащий гиперболизацию и гротеск, который выражен в «поддевке» бабушки: *«Вот два брата сошлись, дак наговориться не могут»*. Молчаливость, неразговорчивость, свойственная братьям Пронинским, характерна для поморов в целом: сдержанность в словах мыслится как признак деловитости, серьезности.

Между тем помимо прозвищных номинаций распространены и топонимы, связанные с пространственной организацией села.

Кушерецкие деревни в свою очередь делились на части, имевшие неофициальные названия: «Верховье» (23 дома), «Гора» (25 домов), «Бачина» (12 домов), «Низ/Низовье» (86 домов), «Остров» (32 дома) [ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 16]. Части села имели традиционную рядовую планировку. В легенде о выборе места для строительства Вознесенской церкви, которая воспроизводится в воспоминаниях местных жителей, одновременно определена и социальная структура поселения: *«В Кушереке там бревно пускали, где построить храм Вознесения, но оно уперлось в противоположный берег, где еще не было домов, но все равно на том месте и поставили. Образовались там Бачинская деревня, Кузнецовы там жили... Целая часть деревни — все Кузнецовы. На горе Окуловы. Никого не допускали, строго чтоб никто лишний не селился там. На горе еще жили Хохлины, знаменитые, самые богатые там судовладельцы»* (ПМА-2: Кузнецов).

Церковь Вознесения находилась *«между Бачинской деревней и Верховьем на той стороне речки»* (ПМА-2: Ефимов). Выбранное место (у западного высокого берега, между Крюком и Бачиной) устроило всех, особенно духовенство. В результате такого выбора к церкви отходил находящийся здесь незастроенный участок в шесть десятин пахотной и сенокосной земли.

Помимо указанных топонимов, местные жители вспоминают, что также существовали части села под названием «Улица» и «Крюк»: *«Низ, Верховье, Гора, Бачинская деревня, Улица. Крюк еще была деревня — от церкви туда (показывает рукой) домов, наверное, 15 стояло. Там еще назывался Крюк, почему-то, я не знаю. Я все у бабушки спрашивала: почему, да почему, а она мне ответит — по кочану, вот почему (смех). Нечего спрашивать (смех). Так называется! Я жила в Крюку. Крюк был до церкви,*

от церкви пройдешь, и там уже Бачинская деревня называлась. Там, наверное, домов 40 было... На Кушереке большая деревня была, почти 400 дворов на хозяйстве» (ПМА-2: Варзугина). Через село проходил почтовый тракт (иллюстрация 2).

Иллюстрация 2 — План почтового тракта в с. Кушерека // Чертеж Почтового тракта от Кушерецкой до Малошуйской станции, без указания года.

Автор землемер А. Крендовский. ГААО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 354. Фр. 1

Figure 2 — “Plan of the Postal Route in the Village of Kushereka.” Drawing of the Postal Route from Kusheretskaya to Maloshuiskaya Station, Year not Specified.

Author: Land Surveyor A. Krendovsky. State Archive of the Arkhangelsk Region, Archive 114, List of Files 4, File 354, Fragment 1

В целом, основание поселения, организация «обжитого» (доместицированного) пространства, отражающаяся в том числе в речевой практике, провиденциальная установка церкви как духовного и пространственного центра села — это устойчивые мотивы устной традиции, составляющие содержание коллективной памяти жителей поселения. Кроме того, травматический исторический опыт также составляет узловые элементы культурного кода. К ним относятся мотивы, связанные с разрушением, пожаром, социальными конфликтами, запустением пространства.

26 июня 1889 г. в селе сгорело 109 дворов [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 991. Ведомости о состоянии православия и раскола в Кушерецком приходе, 1889–1897. Л. 2]. Память об этом событии сохранилась до настоящего времени: «Начало гореть с Горы, огонь перекинулся на ту сторону, как рассказывали, до Церкви. И та сторона полностью выгорела до Бачинской деревни. Это до Революции еще. Ну что там, в деревнях оставались одни дети, да бабки, старики» (ПМА-2: Ефимов). В связи с пожаром, который оставил сильный след в культурной памяти жителей, появляются легендарные сюжеты, которыми обрастает исторический факт, хотя информанты относят его к разным датам:

В 1892 году сгорела вся Кушерека. В реке вода кипела. Огонь дошел до церкви. Все иконы сняли, вынесли, а икону Параскевы не могли оторвать от стены. Вскоре началась гроза. Пошел дождь и пожар прекратился. Это Параскева церковь сохранила (ПМА-1: Неклюдова Л. А.).

В 1900 году был сильный пожар. Через реку летели головни. В реке вода закипала. Бабушка взяла икону Ильи Пророка, обошла церковь два раза и пожар прекратился...» (ПМА-1: Кучина).

Безусловно, церковный раскол XVII в. — общенациональная историческая травма, которая на Севере обретает особую актуальность в силу большого количества приверженцев старой веры среди местного населения. В Кушереке, как в целом на Поморском берегу Онежского залива, сильно влияние Соловецкого монастыря, поскольку эти земли были монастырской вотчиной вплоть до секуляризации 1764 г. [11, с. 183]. Из монастыря, ставшего одним из центров противостояния церковным реформам (Соловецкое сидение 1668–1676 гг.), сюда приходят старообрядческие воззрения. По словам местного священника Авенира Титова (1895 г.р.), прихожане «заражены расколом, пришедшим сюда из Соловецкого монастыря и с реки Выга» [14, с. 20–24; см. также: 5]. В Кушереке жили старообрядцы-беспоповцы Филипповского и Даниловского толков.

Духовная жизнь «скрытников» и староверов отличалась своеобразием. Распространены были паломничества по обету и пустынножительство. А. Ф. Кучина (1918 г.р.) рассказывала, что ее дед пешком ходил молиться в Палестину: *«Бабушка рассказывала, что ее дядя пешком ходил молиться в Палестину. Целый год ходил: полгода туда шел, полгода обратно. Отец и мать ходили в Соловецкий монастырь. Там очень хорошо принимали, платы не брали»* (ПМА-1: Кучина). Старики по достижении восьмидесятилетнего возраста уходили в выбранную заранее пустынь, где в конце концов их и хоронили. До конца дней они сообщались с миром только раз в году, когда им привозили провизию и необходимые для жизни вещи [6, с. 254–255].

При этом коллективная работа, общие праздники и беды объединяли православных и староверов. Так, после пожара отстраивали церковь всем селом — «каждый хозяин нес по бревну» (ПМА-1: Неклюдов А. Г.). Местная жительница А. А. Неклюдова (1918 г.р.) вспоминает, что православные и старообрядцы могли быть ближайшими родственниками: «Мама староверка была. Ела отдельно. А мы с отцом — православные» (ПМА-1: Неклюдова А. А.).

По воспоминаниям местных жителей, после прихода советской власти старообрядцы открыто исповедовали свою веру:

У меня бабушка ходила в Сулозеро. Она верующая была староверка. Не то что этой вера, а староверка вообще. Там была староверческая часовня. Ходили туда, молились. Гонения-то были на них еще при царе, уходили в Сибирь. Километров 30–40 примерно от Кушереки. Вверх по речке до Куши...

...Молельных домов не было. Семьи три, наверное, были как моя бабушка и они ходили в Беломорск. Большинство ходили в Беломорск пешком специально молиться... Наш дом ничем не отличался, только что у бабушки была своя комната. Она размером по пол кухни (показывает рукой). И у нее свой угол был молебный. Там и лампадка, и икона. Иконостас полностью весь угол занимал. Она утром, днем и вечером молилась. Три раза в день. А работала бригадиром в рыболовецкой бригаде.

...Веру свою не скрывала. У нас не притеснялось в Кушереке. Посты она соблюдала. Питалась вместе с нами, только что она сама для себя готовила. Посуда своя, это обязательно. Из ковшика дома не напьешься. Бочки 200-литровые стояли для скотины, для всего. Вот она берет ковшик деревянный, берет тебе чашку, наливает, потом только дает тебе попить. Куда бы она ни ездила и дома чашка, ложка у нее все свое. Почему и болезни не так распространялись. Чужое, как она

говорила, «мирскОе». Не мое это — мирскОе» Она умерла, когда я учился в 4 классе (ПМА-2: Ефимов).

Как уже было сказано выше, история XX в., особенно коллективизация, нанесла существенный урон в изменении облика поселения:

Там же после революции чтоб в колхоз не вступать. Почему в Мурманске население очень много кушерецких? Там пол-Мурманска же кушерецких! Если по корням взять. То почти все бабушки, дедушки, прабабушки, они все с Кушереки в Мурманске. Потому что раньше с Кушерики на Мурманск ходили на этих ладьях, пароходах... на Терский берег, заготавливали рыбу да все... Немного в Архангельск-то уехало... Дома бросали целиком, хозяйство, и овец, скотину, все. Уходили на Мурман перед коллективизацией (ПМА-2: Ефимов).

Лишение поселения его духовно-религиозного и пространственного центра особенно фиксируется в коллективной памяти жителей. Так, перенос в 1972 г. Вознесенской церкви и колокольни в музей-заповедник «Малые Корелы» местные жители вспоминают как событие, в котором актуализируется оппозиция «мы/они»:

А у нас-то пока не увезено было, все по-старому было... Оно (крыльцо) было обыкновенное. Теперь сделано что можно с той стороны и прямо зайти, а тут было с одной стороны... Вход был сбоку. Она ведь у нас стояла возле речки. У той церкви большой крест рядом стоял. Высокий, деревянный. Упал, ну упал-то он давно уже... Теперь, вишь, совсем не так стало. Тем что похоже — только купола как были... А на самом веру было, на самом верхнем куполе, у нас раньше как войны шли, ну эти японцы или кто приходили первые-то сюда к нам в Архангельскую область? Был пограничный пост. Там открывался, и стояли пограничники... Там лестница стояла, но до самого веру не лазили, потому что боялись лазить (ПМА-2: Варзугина).

Теплая церковь (трапеза) не была перевезена и распилена на дрова:

Они не забрали там еще зимнюю (церковь). Там оставалась двухэтажная пристройка. Да. Она была позже пристроена и ее оставили, не забрали... Там печки, все было. Ее на дрова распили для фермы... Они забрали то, что старое, ценное. В принципе-то, эта пристройка тоже не новая... Здесь у вас сейчас сделан вход на две стороны, а там была пристройка. А вход был со стороны моря. Двери просто сделаны. Входишь, коридорчик небольшой и в зал, а там лестница на второй этаж (ПМА-2: Ефимов).

Нарушение сакрального пространства нередко влечет за собой трагические последствия, подобно тем, какие следуют за нарушением границы «свой/чужой». Так, например, воспоминания о разобранной (возможно, недостроенной) кладбищенской часовне в одном случае просто констатируют исторический факт:

В Кушереке была тоже часовенка, но она была высокая, еще до войны сделана была. Как война началась, в общем, так ее попустили, только крышу, да эти, окна вставили без стекол. В общем, рамы поставили. А потом так ее разворочили» (ПМА-2: Варзугина).

А в другом — обозначена скорая смерть тех, кто участвовал в разборе часовни:

Была построена часовня как на кладбище идти. Ну, она не оформлена еще была. Ее разобрали на силосные ямы. И в живых, кто разбирал, никого не осталось... Отец мой разбирал... А в каком году я не помню. Ну тоже где-то в 60-х – начале 70-х... Скала такая. Она прям на скале такая была как на кладбище идти (ПМА-2: Ефимов).

Экспедиционные материалы показывают, как в коллективной памяти жителей поселения и в целом региона устная традиция, с одной стороны, фиксирует узловые события исторического опыта народа, а с другой — интерпретирует их сквозь призму универсальных фольклорных мотивов.

Архивные материалы как источник исторической памяти.

Сохранившиеся архивные документы, касающиеся Кушереки, прежде всего, относятся к церковной деловой письменности. Клировые ведомости как памятник деловой письменности, помимо статистических сведений, содержит прямые отсылки к описным книгам монастырей, в частности, в аспекте описания церкви, перечисления технических характеристик состояния церковных помещений и т. д. Кушерецкий приход соседствовал с Малошуйским и Нименьгским приходами, с которыми были налажены тесные добрососедские отношения:

Старые люди они раньше как-то общались, и в Нименьгу замуж выдавали, и в Кушереку. Эти три деревни [Малошуйка, Кушерека, Нименьга. — *Авт.*] вместе общались... Троица — престольный праздник у нас, а в Кушереке — Петров день» (ПМА-1: Мошникова).

Но архивных документов по Кушерецкому приходу несколько больше, чем по соседним приходам — Малошуйскому, Нименьгскому, поскольку приход вызывал тревогу у Архангельской Духовной Консистории в связи с относительно большим количеством проживавших в нем старообрядцев. В 1830 г. проживало крестьян 135 дворов (409 мужчин и 420 женщин) и раскольников 3 дома (33 мужчины и 71 женщина) [ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 19. Клировые ведомости церковью Онежского уезда, Пинежского, Мезенского уездов / Ведомость учинена Благочинным Малошуйского Прихода Священником Симеоном Молчановым о благосостоянии Церквей и поведения Священно и церковнослужителей, 1830. Л. 155]. В 1844 г. проживало крестьян 131 двор (456 мужчин и 485 женщин) и раскольников 46 мужчин и 87 женщин [ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 95. Клировая ведомость церковью Онежского уезда, 1844. Л. 17]. К середине века общее количество жителей в среднем было чуть больше, чем в соседних селах. В Малошуйке было 132 двора, Нименьге — 130 (кроме этого, 4 мужчины и 7 женщин старообрядцев), Ворзогорах — 127, Унежме — 64, в то время как в Кушереке — 137 домов, число мужчин и женщин превысило тысячу (533 мужчин и 642 женщин, раскольников 39 мужчин и 63 женщины) [ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Клировые ведомости о церквях первого Благочиния за 1846–1849 (ведомость за 1849 год). Л. 333]. Ситуация осложнялась нехваткой священнослужителей в приходе. Например, в 1825 г. в Архангельской консистории был заслушан рапорт Преосвященства Неофита Епископа Архангельского и Холмогорского последовавшего на прошение Онежского Округа Кушерецкого прихода Священника Василия Кононова «*в коем изъясняется, что в их приходе с 1821 года не находится дьячка и неизвестно где проживает... Как ныне известно, будто бы проживает в скитах у раскольников*» [ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Указы Архангельской Духовной консистории и Онежского духовного правления, 1824–1827. Л. 25].

Местный священник составлял пятигодичные ведомости о состоянии православия и раскола в Кушерецком приходе. К концу XIX в., в 1889 г. в приходе общее число душ: 703 мужских и 819 женских, из них православных — 648/612 и раскольников 55/208 соответственно, из которых только 1 мужчина признан таковым по суду, а остальные были раскольники тайные [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 991. Ведомости о состоянии православия и раскола в Кушерецком приходе, 1889–1897. Л. 2]. Местный свя-

щенник Петр Гурьев писал о причинах распространения старообрядчества в приходе: «Что же касается раскола, то он твердо стоит и поддерживается главным образом старухами, не упускающими случая сманить за собою больного человека, или нуждающегося в подаянии», а также суевериях местных жителей: «опасения встречи со священником, опасение отправки в море и вообще в дорогу при колокольном звоне, наблюдаются счастливые и несчастные дни, гадают, верят в заговоры и прочее» [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 991. Л. 2–2 об.]. В ведомости за 1894 год указаны имена и фамилии пяти старообрядцев, пользующихся авторитетом среди других:

Расколоучители: 1. Авкситий Гаврилов Овчинников, 75 лет, имеет у себя в доме молельню, куда собираются старухи; он же совершает требы для раскольников: принимает на исповедь... совершает поминовения и проч. 2. Никон Иванов Калинин (неразб.), 66 лет. 3. Федор Степанов Хохлин, 53 лет, 4. Никита Иванов Новожилов и 5, Андрей Павлов Кодмин. 75 лет. Среди придерживающихся раскола все эти лица пользуются авторитетом людей начитанных, к которым они обращаются за советом, или разрешением своих недоумений. Переkreщивание в раскол больше совершают какие-то две старухи, имена которых притч никак узнать не может [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 991. Л. 4].

Наличие большого количества старообрядцев в приходе не могло не оказать влияние на архитектуру. Распространение на территории Онежского Поморья такого типа часовен как изба-часовня [3], которые можно сопоставить с отдельно стоящими трапезными, служит косвенным подтверждением влияния старообрядчества на конструктивные формы церковных построек. В селе Кушерека не было кладбищенской часовни. Это могло быть связано с опасением использования часовни в качестве старообрядческой. В 1843 г. вышел указ Архангельской Духовной Консistorии о погребении умерших раскольников в отведенных отдаленных местах при общем кладбище и запрете на устройство «часовен и молитвенных домов на сих кладбищах» [ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 8. Л. 19]. Кроме этого, требовалось «иметь строжайшая наблюдения», чтобы крестьянские избы не были обращены в «публичные моления», а в уже существующих часовнях «небыли устроены Престолы, как принадлежность Православных Церквей. С нарушителями сего поступать по законам. Престолов, устроенных уже прежде в Часовнях, коих существование дозволено было на основании законов, не уничтожать» [ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 8. Л. 19].

Кладбищенская часовня в Кушереке была построена только в 1912 г. [3], но, как уже было сказано, часовню не достроили, и она была разобрана.

В селе Кушерека было две православные церкви: несохранившаяся Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Успенская церковь) и Церковь Вознесения Господня (Вознесенская церковь). Подробный анализ архитектурной истории церквей представлен в работе А. Б. Бодэ и Т. В. Жигальцовой [2]. В данной работе приведено несколько архивных описаний из строительной истории Церкви Вознесения Господня с полным сохранением орфографии и пунктуации первоисточника.

Строительство Вознесенской церкви принято датировать 7177 (1669) годом [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 922. Клировые ведомости 1845–1907. Л. 1, 8]. Вероятнее всего, это была вторая церковь, построенная на этом месте, поскольку в самых ранних обнаруженных нами документах конца XVIII в. указывается, что антиминс на белом полотне был священнодействован 2 декабря 1600 г. [ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Клировая ведомость, 1799. Л. 220].

Размеры церкви по данным 1808 г.:

...наверху той церкви один кумпал и пять глав чешуйчатых скрышками деревянными котораи в вышину 17 сажень Со олтарем и папертью длины восемь сажень аширины 5 сажень у оной впаперти имеются три крыльца и три двери простой работы... в паперти три окна ... окончины стеклянные. С южной стороны два окна в них окончины слудяные. Севера два окнав них окончины слудяные... в олгаре два окна в них окончины слудяные [ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1808. Л. 393].

Описание второго этажа церкви:

Над церковью вознесения Господня два предела. Церковь святого Пророка Божия Илии и святых Великомученицы Параскевы. С паперти в оную церковь лестница из паперти Вознесения Господня в паперти два окна окончины стекольчатые, у церкви двери работы простой, на крюках и петлях железных... на дверях образ Святых Великомученицы Параскевы в церкви 4 окна окончины стеклянные, воолтарях поодному окну, окончины Стеклянные [ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 176. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1814. Л. 102].

Говоря о характере самого текста, важно отметить, что детализация и атрибутивность контекстов описных книг, как и клировых ведомостей, дает возможность предположить: так постепенно складывается канон официально-делового стиля. Благодаря работе писцов — систематизации, группировки или классификации и характеристики материала (качественной и количественной) — формируются маркеры делового канона: стремление к точности и однозначности приведенных сведений; неличному и констатирующему характеру изложения; компактности изложения.

После того как в 1811 г. сгорела Успенская церковь, в 1825 г. [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 922. Клировые ведомости 1845–1907. Л. 1] к Вознесенской церкви была начата пристройка теплой двухэтажной трапезы [2]. В 1874 г. церковь была обшита тесом и побелена мелом [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 922. Л. 12].

25 августа 1881 г. церковный староста Кушерецкого прихода Панкратий Кучин пишет прошение о переделке алтаря и создании единого престола Святого Пророка Божия Илии и Святой Великомученицы Параскевы Пятницы на втором этаже Вознесенской церкви:

Всегда, а особенно при Богослужении всеми осознавалось неудобство в большой тесноте тех Алтарей и при одном Священнике служащем: так — едва возможно хождение вокруг престолов, при хаждении и с Евангелием, а положить Земные поклоны по близости Престолов к Царским вратам, к восточной стене и Жертвенникам — невозможно. Кроме сего, в Алтаре храма потолок очень низок и от времени попортился, а равно и пол во Алтаре и пред Алтарем настлан из просто грубо отесанных брусьев.

Желая, по возможности, устранить в сказанном Алтаре все неудобства от двух престолов происходящая, — необходимо разобрать Иконостас, снять престолы и жертвенники, углубиться в Восточную стену прорубкою ея для Царских дверей и северных и южных, перебрать полы и потолок, сделав сей последний полукругом. Наконец по окончании этих работ поставить и утвердить один Престол в углублении нал Алтарем Вознесения, а Иконостас будет прежний. Престол желательно бы иметь техже двух Святых — Пр. Илии и муч. Параскевы вместе; а если это невозможно, то во имя одной Муч. Параскевы, как особенно прославляемой Прихожанами и окрестными жителями...

Стоимость 300 руб. каковыя прихожанами и обещаются. Работать буду сам [ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 971. Переписка с Архангельской Духовной консисторией, благочиниями, священниками I благочиния, с Онежским уездным исправником, волостными старшинами, с комитетами различных обществ, 1881–1917. Л. 2].

Удивительно, как в отстраненном стиле деловой письменности выпукло проступает личность писца. Сравнение памятников, написанных разными лицами, но одного и того же жанра, позволяет вычленивать обязательную (канонную) составляющую документа и индивидуально-авторские особенности. И наиболее ярко личность писца проявляется при описании церкви через отношение человека того времени к религиозной жизни, памятники содержат разного рода оценку, выделяя приоритетную для автора текста информацию.

Подробное описание покраски храма 1894 года целесообразно привести целиком:

Кушерецкая приходская церковь деревянная, построена в виде продолговатого четырехугольника и уступом к главному алтарю, на деревянном же фундаменте, обшита тесом в стойку и выкрашена белилами. Впоследствии окружность храма была увеличена пристройкою к трапезе с северной и южной сторон теплых придельных храмов. Над церковью возвышается четырехугольный деревянный купол, покрытый в виде чешуи, окрашен зеленою краскою, а блюдо его — красною, с пятью главами; над трапезой крыша на два ската, покрыта досками, выкрашенными красною краскою со смолою; ниже сей крыши идет крыша над пристройками с обеих сторон на один скат; крытая досками без окраски; над трапезой и над предельными алтарями находится по одной главе; все главы деревянные, чешую, увенчаны деревянными же крестами, окрашенными желтою краскою, самые же главы окрашены зеленою краскою, а шейки их охрою. Главный Алтарь закрыт крытым в виде чешуи куполом на два ската, окрашенным зеленою краскою, без главы и креста.

Здание церкви двухэтажное; в верхнем храме помещается один престол; здесь стены вальтаре и средней части обшиты досками и оклеены обоями, также и потолки, а в трапезе стены только отесаны.

...в Вознесенском храме, стены алтаря и средней части абтесаны и оклеены обоями, а в трапезе, где расположены два придельные теплые храма, стены обиты досками в стойку и окрашены белилами; здесь же находятся и две печи. Всех окон в церкви — в нижнем стоят однорамных десять и двурамных шесть и в верхнем однорамных восемь и двурамных два. Дверей в церкви четыре...

Длина церкви в имеемом храме, с сенями, 11 сажень, ширина в главном храме 3 сажени, ширина в предельных храмах в саж. 1 арш., высота в главном храме — 5 $\frac{3}{4}$ арш., в трапезе и приделах — 1 саж. 1 арш.; длина церкви в верхнем храме / без сеней/ 8 саж. ширина 3 саж. высота в средней части 5 $\frac{3}{4}$ арш., в трапезе 4 $\frac{1}{2}$ арш.

С северной стороны храма приделано церковное крыльцо, ход на него с двух сторон, с третьей стороны находятся перила; крыльце закрыто крышей на два ската, деревянной, выкрашенной красною краскою со смолою, поддерживается она двумя столбами.

Церковь кругом обнесена деревянною на деревянном же фундаменте оградю [ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1579. Клировая ведомость Кушерецкого прихода Онежского Уезда, 1894. Л. 3–4].

Описание церкви в 1910 г.:

Кушерецкая приходская церковь деревянная, двухэтажная, с внешней и внутренней стороны обшита тесом и окрашена белилами. Основана была на деревянном фундаменте, но впоследствии положен камень — булыжник. Крыша на ней деревянная; в основании имеется продолговатый четырехугольник с уступом в алтарной части; с западной стороны приделана большая трапеза обращенная в теплый храм с двумя алтарями, на восточной стороне на восточной стороне имеются? по одному окну, так как трапеза (теплый храм) шире, самого первоначального, холодного, двухэтажного, деревянного храма. Над самим храмом возвышается четырехугольный, деревянный купол, в виде луковицы, крытой короткими досками в восемь поясов; конца досок второго и третьего поясов заострены в древнерусском стиле.

Купол окрашен медянкой и частею, в нижней части, и скат мумией.

На куполе пять глав, с шейками Глав и шейки крыты чешуей. Кресты на главах восьмиконечные, деревянные. Главный Олтарь крыт тесом, коротким, на два ската в древнерусском виде.

в поперечном разрезе, дающим форму контура луковицы. На олтаре ни главы, ни креста нет; Тес крыши олтара окрашен медянкой. Трапеза — теплый храм с двумя олтарами крыт на два ската, на олтарах по главе с шейками крытыми чешуей. над верхним этажем трапезы глава с крестом.

Крыша на трапезе деревянная окрашена мумией. На главах придельных храмов кресты восьмиконечные, деревянные. С западной стороны трапезы пристроен притвор с крыльцом на северную сторону; притвор крыт тесом скатом на северную сторону. Сам храм устроен Главным олтarem более в сторону северо-восток. Во всем храме четыре престола... Окна в храме небольшие с шесть просветов каждое. «37» всех окон...

Длина церкви в нижнем этаже 11 сажень, ширина главного храма 9 сажень, ширина теплого храма-трапезы 6 саж 1 арш. высота в главном храме $5\frac{3}{4}$, в придельном храме 4 арш. В верхнем этаже в части средней части храма $5\frac{3}{4}$ арш» [ГААО. Ф. 29. О. 31. Д. 2129. Главная опись церковного и ризничного имущества Вознесенской церкви Кушерецкого прихода Онежского Уезда, 1910. Л. 4–5].

В 1972 г. Вознесенская церковь и колокольня были перевезены на вертолете в Архангельский государственный музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» [7]. В настоящее время место заброшено, а на месте трапезной выросла березовая роща (иллюстрация 3).

Иллюстрация 3 — справа Вознесенская церковь и колокольня в экспозиции музея-заповедника деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

Фото Т. В. Жигальцовой; слева — место расположения Вознесенской церкви до ее перевозки в музей-заповедник «Малые Корелы». **Фото О. А. Зининой, 2020**

Figure 3 — The Church of the Ascension and the Bell Tower in the Exposition of the Arkhangelsk State Museum-Reserve of Wooden Architecture and Folk Art “Malye Korely” (on the Right).

Photo by T. V. Zhigaltsova; the Location of the Church of the Ascension before its Transportation to the Museum-Reserve “Malye Korely” (on the Left). Photo by O. A. Zinina, 2020

На сайте музея представлены планы этажей, фотографии и краткая информация о работах по сохранению памятника: 1972–1976 гг. — комплексная реставрация; 1999 г. — замена тесовой кровли галереи; 2003–2006 гг. — реставрация и установка иконостаса; 2021–2022 гг. — ремонтные работы по кровлям [13].

Заключение.

Изученные материалы устной традиции в совокупности с исследованием особенностей природного и культурного ландшафта помогают реконструировать и осмыслить содержание архивных источников. Анализируемые описания церквей — форма речи, запечатленной в тексте, — свидетельствует о тех же ценностно-смысловых коор-

динамах культуры, что и устная история. Языковая картина мира отражает свободное восприятие объектов окружающей действительности, именно поэтому они иногда писцы нарушали атрибутивный канон и сопровождали комментарии к объекту сведениями личного характера. Это, на наш взгляд, и есть самое ценное — застывшее и зафиксированное в тексте стремление к свободе и творчеству, воплощение в слове восприятия красоты, выстраивание системы взаимоотношений с «другими» и оформление «своего» пространства вокруг духовного центра. Это то, что с одной стороны, позволяет стереть временные границы, а с другой — демонстрирует концепты аксиологического порядка. Коллективная память, сохранившаяся в архивных документах и воспоминаниях жителей, позволяет по крупницам восстановить социокультурный и архитектурно-пространственный ландшафт заброшенного поморского поселения. Обращение к местной (локальной) коллективной памяти, с одной стороны, демонстрирует, как в конкретном культурно-историческом факте отражаются общие законы конструирования и трансляции коллективной памяти, а с другой — не дает уйти в забвение текстам, из которых складывается национальная культура.

Экспедиционные материалы:

ПМА-1. Полевые материалы из с. Кушерека, Нименьга, 1996–1999 (информанты: И. М. Завьялов, 1908 г.р.; А. Ф. Кучина, 1918 г.р.; А. П. Филиппьева, 1918 г.р.; А. А. Неклюдова, 1918 г.р.; А. Г. Неклюдов, 1926 г.р., Л. А. Неклюдова, 1918 г.р.).

ПМА-2. Полевые материалы из с. Малошуйка о заброшенном с. Кушерека, Онежский р-н Архангельской обл., 2019–2020 (информанты: А. Н. Кузнецов, 1952 г.р.; А. П. Ефимов, 1960 г.р.; В. Н. Варзугина, 1940 г.р.; Г. М. Мошникова, 1962 г.р.).

Список литературы

Исследования

- 1 *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хоз-ва / под ред. К. В. Чистова. Л.: Наука, 1978. 176 с.
- 2 *Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В.* Общерусские влияния в деревянном зодчестве Беломорья XVII–XVIII веков на примере Вознесенской церкви села Кушерека // *Academia. Архитектура и строительство.* 2021. № 4. С. 28–36.
- 3 *Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В.* Церковь Тихвинской иконы Божьей Матери в деревне Юдмозеро Архангельской области. История и архитектура // *Studia Humanitatis Vorealis.* 2020. № 3. С. 17–27.
- 4 *Жигальцова Т. В., Матонин В. Н., Егорова Е. Н., Бедина Н. Н.* Топонимическая структура поморских поселений // *Вестник славянских культур.* 2022. № 64. С. 45–64.
- 5 *Кожурин К. Я.* Новонайденные документы для истории старообрядчества села Кушереки Онежского уезда // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 2021. Т. 43. № 2. С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588
- 6 *Кононов А. М.* Кушерецкий приход // *Север.* 1996. № 2. С. 154–157.
- 7 *Крохин В. А.* Реставрация Вознесенской церкви в селе Кушерека Архангельской области // *Архитектурное наследие и реставрация. Реставрация памятников истории и культуры России.* М.: Об-ние «Росреставрация», 1988. Вып. 3. С. 59–70.
- 8 *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

- 9 *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева, пред. С. М. Даниэля. СПб.: Акад. проект, 2002. 542 с.
- 10 *Матонин В. Н.* Мореходная книга «Рька Кушерецка»: феномен беломорской лоции XVII–XVIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 83–84.
- 11 *Матонин В. Н.* Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015. 319 с.
- 12 *Морозова О. Е.* Поморская речевая культура // Русская речь. 2014. № 2. С. 98–104.
- 13 Церковь Вознесения Господня из с. Кушерека Онежского района / Архитектурно-ландшафтная экспозиция // Официальный сайт Архангельского государственного музея-заповедника деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». URL: <https://www.korely.ru/heritage/> (дата обращения 21.04.2023).

Источники

- 14 Краткое историческое описание монастырей Архангельской Епархии. Архангельск: Типо-литогр. наследников Д. Горяйнова, 1902. 592 с.
- 15 *Максимов С. В.* Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1984. 607 с.
- 16 *Матонин В. Н., Комягина Л. П., Тропина В. В.* Река Кушерецка: мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования) / под ред. В. Н. Матонина. Архангельск: Тов-во Северного Мореходства, 2011. 189 с.
- 17 «Не век жить — век вспоминать»: народная культура Поонежья и Онежского Поморья / редкол.: А. А. Крысанов, В. Н. Матонин, С. В. Рапенкова, С. Л. Тюкина и др. Москва [и др.]: Фолиум: Тов-во Северного Мореходства, 2006. 385 с.
- 18 *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. I. 643 с.

© 2023. Tatiana V. Zhigaltsova
Arkhangelsk, Russia

© 2023. Vasiliy N. Matonin
Arkhangelsk, Russia

© 2023. Ekaterina N. Egorova
Arkhangelsk, Russia

© 2023. Natalya N. Bedina
Arkhangelsk, Russia

CONSTRUCTION AND TRANSFER OF COLLECTIVE MEMORY BY THE EXAMPLE OF THE POMOR VILLAGE OF KUSHEREKA

Abstract: The paper delivers a comprehensive historical and ethnographic study of the natural and architectural landscape of the village of Kushereka, Onega District (Uyezd) of the Arkhangelsk Province. Back in the early 20th century, in the church community

this village was known as “the center of the Schism”. The authors look into a system of landscape and architectural materials and narrative texts that preserve and convey collective (regional) historical memory. The field research conducted in 1996–1999 and 2019–2020 revealed the transformation of historical memory from the period of the village’s thriving to its current state. The key events in the historical experiences of the local residents were recorded and interpreted through the lens of universal folklore motives. The laws of creation and transmission of historical memory are revealed in the texts (speech), in the architecture, in everyday practices. The architectural history of the village and its layout, reconstructed based on archival data, are also regarded as a source of historical memory. The specific features of speech in the descriptions of the churches testify to the same value and semantic coordinates of culture as the oral tradition. The study carries methodological value for revealing “the idea of place” of local territories, as well as practical significance for the reconstruction of sociocultural and architectural landscapes of an abandoned Pomor settlement.

Keywords: Collective Memory, Wooden Architecture, Onega Pomorye, Kushereka, Old Belief.

Information about the authors:

Tatiana V. Zhigaltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: zhitava@gmail.com

Vasiliy N. Matonin — DSc in Culturology, Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0830-5533>

E-mail: matoninv@yandex.ru

Ekaterina N. Egorova — PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8115-9344>

E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Natalya N. Bedina — DSc of Culturology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1613-4164>

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Received: May 27, 2023

Approved after reviewing: October 31, 2023

Date of publication: December 25, 2023

For citation: Zhigaltsova, T. V., Matonin, V. N., Egorova, E. N., Bedina, N. N. “Construction and Transfer of Collective Memory by the Example of the Pomor Village of Kushereka.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 70, 2023, pp. 109–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-109-126>

References

- 1 Bernshtam, T. A. *Pomorye: Formirovanie gruppy i sistema hoz-va* [*Pomors: Group Formation and Household System*], ed. by K. V. Chistova. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
- 2 Bode, A. B., Zhigaltsova, T. V. “Obshcherusskie vliianiia v dereviannom zodchestve Belomoria XVII–XVIII vekov na primere Voznesenskoii tserkvi sela Kushereka”

- [All-Russian Influences in the Wooden Architecture of the White Sea of the 17th–18th Centuries on the Example of the Church of the Ascension in the Village of Kushereka]. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo*, no. 4, 2021, pp. 28–36. (In Russ.)
- 3 Bode, A. B., Zhigaltsova, T. V. “Tserkov Tikhvinskoi ikony Bozhei Materi v derevne Iudmozero Arkhangel'skoi oblasti. Istorii i arkhitektura” [“The Church of Theotokos of Tikhvin in Yudmozero, Arkhangel'sk Region. History and Architecture”]. *Studia Humanitatis Borealis*, no. 3, 2020, pp. 17–27. (In Russ.)
- 4 Zhigaltsova, T. V., Matonin, V. N., Egorova, E. N., Bedina, N. N. “Toponimicheskaya struktura pomorskih poselenij” [“Toponymic Structure of Pomor Settlements”]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, no. 64, 2022, pp. 45–64. (In Russ.)
- 5 Kozhurin, K. Ia. “Novonaidennye dokumenty dlia istorii staroobriadchestva sela Kushereki Onezhskogo uezda” [“Newly Found Documents on the History of the Old Believers in Kushereka Village of Onega Uyezd”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 43 (2), 2021, pp. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588 (In Russ.)
- 6 Kononov, A. M. “Kusheretskii prikhod” [“Kusheretsky Parish”]. *Sever*, no. 2, 1996, pp. 154–157. (In Russ.)
- 7 Krokhin, V. A. “Restavratsiia Voznesenskoii tserkvi v sele Kushereka Arkhangel'skoi oblasti” [“Restoration of the Ascension Church in the Village of Kushereka, Arkhangel'sk Region”]. *Arkhitekturnoe nasledie i restavratsiia Restavratsiia pamiatnikov istorii i kultury Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [Architectural Heritage and Restoration. Restoration of Historical and Cultural Monuments of Russia: Collection of Scientific Papers]. Moscow, Ob"edinenie “Rosrestavratsia” Publ., 356 p. (In Russ.)
- 8 Lotman, Iu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
- 9 Lotman, Iu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 542 p. (In Russ.)
- 10 Matonin, V. N. “Morekhodnaia kniga: Rieka Kusheretska — fenomen belomorskoii lotsii XVII–XVIII v.” [“The Nautical Book: The Kusheretska River — a Phenomenon of the White Sea Nautical Books of the 17th–18th Centuries”]. *Drevniaia Rus. Voprosy medievistiki*, no. 3 (69), 2017, pp. 83–84. (In Russ.)
- 11 Matonin, V. N. *Sotsiokulturnoe prostranstvo severnoi derevni: genesis, struktura, semantika* [Sociocultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics: PhD Thesis Summary]. St. Petersburg, 2015. 319 p. (In Russ.)
- 12 Morozova, O. E. “Pomorskaya rechevaya kul'tura” [“Pomor Speech Culture”]. *Russkaya rech'*, no. 2, 2014, pp. 98–104. (In Russ.)
- 13 “Tserkov' Vozneseniia Gospodnia iz s. Kushereka Onezhskogo raiona / Arkhitekturno-landshaftnaia ekspozitsiia” [“The Church of the Ascension of the Lord from the Village of Kushereka, Onega District / Architectural and Landscape Exposition”]. *Ofitsial'nyi sait Arkhangel'skogo gosudarstvennogo muzeia-zapovednika dereviannogo zodchestva i narodnogo iskusstva “Malye Korely”* [Official website of the Arkhangel'sk State Museum-Reserve of Wooden Architecture and Folk Art “Malye Korely”]. Available at: <https://www.korely.ru/heritage> (Accessed 21 April 2023). (In Russ.)